

Е Чжицю знал, что Цинь Цзяньхэ намеренно его поддразнивает, но всё равно не смог сдержать смех. Он прислонился к двери машины, слегка запрокинул голову и посмотрел на солнце в небе. На душе стало немного легче.

— Хорошо, — сказал он, — научу тебя.

— Тогда называть тебя учитель Е действительно не зря, — слышался голос Цинь Цзяньхэ с лёгкой улыбкой. — Ведь обращаясь к тебе как к учителю, можно научиться многим навыкам.

— Эй. - Е Чжицю рассмеялся.

Ветер, дующий издалека, подхватывал его и без того тихий смех и делал его еще тише, так что в телефонной трубке он был практически неразличим.

Изначально слегка задумчивые темные глаза Цинь Цзяньхэ стали необъяснимо мягче. Пальцы мужчины, сжимавшие руль, наконец-то расслабились.

— Разве я не просил тебя подождать в машине? — улыбнулся Цинь Цзяньхэ. — На улице ветер.

— Но сегодня хорошая погода, — ответил Е Чжицю.

Сегодня действительно была хорошая погода. Хотя ветер был еще немного прохладным, он не мог помешать солнцу дарить тепло.

Продолжая говорить, Е Чжицю наклонился, открыл дверцу машины и достал из бардачка еще один шарф, чтобы обмотать им шею. Затем он вытащил из кармана испачканный шелковый шарф и осторожно положил его в бардачок.

"В следующий раз, - подумал Е Чжицю, - нужно обязательно проследить, чтобы на надгробие Лань Юэ не попадала пыль, а еще нужно принести побольше ритуальных денег."

— Хорошо, — тихий голос Цинь Цзяньхэ донесся с другого конца провода. — Я скоро буду.

Пока Цинь Цзяньхэ говорил, телефон Е Чжицю завибрировал у уха.

Е Чжицю не шелохнулся, а лишь спокойно и сосредоточенно продолжал разговор:

— Хорошо, я подожду тебя. - И добавил: — Не торопись.

На этот раз в трубке на мгновение воцарилась тишина, и только спустя некоторое время мужчина тихо засмеялся.

— Хорошо, — сказал он низким голосом.

Этот голос, словно обладающий какой-то магической силой, эхом отозвался в сердце Е Чжицю, заставив его невольно почувствовать легкую тревогу.

Больше не говоря ни слова, Е Чжицю повесил трубку. Снова воцарилась тишина, нарушаемая только звуком ветра.

Спустя некоторое время Е Чжицю снова опустил глаза и открыл мессенджер, чтобы проверить сообщения.

Сообщений было два, от ассистента Сяо Чжао из режиссерской группы съемочной группы. Утром, когда Чжоу Лянь уходил со съемочной площадки, он поручил ему передать Е Чжицю список актеров.

Тогда еще не были добавлены имена нескольких актеров второго плана, к тому же все были заняты совещанием, поэтому Сяо Чжао и Е Чжицю обменялись контактной информацией, договорившись позже еще раз все окончательно проверить и отправить ему список. Как и ожидалось, сейчас в диалоговом окне, помимо вежливого приветствия от Сяо Чжао, была таблица с данными актеров и съемочной группы.

Е Чжицю медленно пролистал список вниз и в самом конце увидел имена Ли Лина и Цуй Сюаня. Затем он вышел из диалогового окна и, опустив голову, отправил сообщение Гао Вэнье.

Один лист знает осень: "Я уже поговорил со стариной Чжао о новичке из твоей компании. Похоже, проблем не будет, ты скоро должен получить известие."

Гао Вэнье сейчас был на съемках, поэтому Е Чжицю не ожидал, что тот быстро ответит. Но, к его удивлению, актер почти сразу же перезвонил.

Е Чжицю нахмурился и сбросил звонок.

Через мгновение пришло сообщение от Гао Вэнье.

Гао Вэнье: "Спасибо тебе, Сяо Цю. Я звонил не с каким-то особым умыслом, просто хотел поблагодарить."

Один лист знает осень: "Я обещал маме, просто выполняю обещание."

Гао Вэнье: "Все равно спасибо. Может, как-нибудь пообедаем вместе?"

Е Чжицю: ...

Он не ответил, а просто выключил телефон и посмотрел вдаль.

Телефон снова завибрировал. Видимо, увидев, что Е Чжицю не отвечает, Гао Вэнье отправил еще одно сообщение.

Гао Вэнье: "Я знаю, что разбил тебе сердце, и ты не хочешь меня видеть, но одно дело — личное, а другое — благодарность. В конце концов, я могу не приходить, пусть Цуй Сюань пригласит тебя пообедать, это будет знаком нашей признательности."

Такие двусмысленные и вводящие в заблуждение слова создавали впечатление, будто между ними какая-то мелкая ссора. К тому же, как он мог пойти куда-то один на один с артистом его компании? Кто знает, что еще выкинет Гао Вэнье?

Е Чжицю немного помолчал, а затем ответил.

Что бы ни происходило между ним и Гао Вэнье в личной жизни, в переписке, которую можно сохранить в качестве доказательства, виноватым должен быть только Гао Вэнье, выглядящий непорядочным и алчным.

В каждом предложении, в каждом слове, даже в каждом знаке препинания он не мог оставить Гао Вэнье ни малейшей зацепки.

Он много раз писал подобные ответы и делал это очень умело.

Один лист знает осень: "Извини, должен тебя поправить. Я никогда не хотел тебя видеть."

Один лист знает осень: "Гао Вэнье, раз уж ты выбрал Е Чжися, живи с ним хорошо. Думаю, ты понимаешь, что я имею в виду? На этом все, не пиши мне больше, иначе нам придется снова увидеться в черном списке."

Эти слова, как и ожидалось, подействовали, и Гао Вэнье больше не писал.

Однако Е Чжицю не знал, что в этот момент актер, глядя на это сообщение, не только не злился, но и предавался фантазиям. Представляя, как Е Чжицю с его красивым лицом выражает крайнюю степень высокомерия, Гао Вэнье не мог сдержать бешеного сердцебиения.

Но он не смел снова писать Е Чжицю. В прошлый раз парень без колебаний добавил его в черный список, и Гао Вэнье в отчаянии позаимствовал телефоны почти всех своих сотрудников, чтобы связаться с ним. В конце концов, мало кто из его сотрудников избежал этой участи. Но чем больше он боялся, тем больше ему хотелось, тем сильнее становился зуд...

Имя Е Чжицю, словно разъедающая кислота, болью и зудом врезалось в его сердце. Он не мог избавиться от этой зависимости, от бесконечного послевкусия.

Еда на обед осталась почти нетронутой, ее температура постепенно снижалась в тишине. Спустя долгое время Гао Вэнь наконец не выдержал и тоскливо вздохнул, скучающим жестом отбросив палочки для еды.

В то же самое время Е Чжицю только что прислонился к машине, закурил сигарету и открыл сценарий, который Чжоу Лянь дал ему утром.

Сценарий был очень интересным, с самого начала захватывающим, и Е Чжицю быстро прочитал более десяти страниц. Только когда до него донесся слабый звук приближающейся машины, он завернул уже потухший окурок в салфетку, положил его в карман и поднял глаза, посмотрев на въезд на дорогу.

Машина Цинь Цзяньхэ появилась в конце дороги и быстро приближалась к нему.

Неосознанно Е Чжицю выпрямился, в его глазах мелькнула улыбка.

Машина быстро остановилась перед ним, Цинь Цзяньхэ открыл дверь и вышел. Его начищенные до блеска черные кожаные туфли тут же покрылись пылью. Но бизнесмен не обратил на это никакого внимания и быстро подошел к юноше.

Ветер в поле был прохладным, и какое-то время оба молчали.

Цинь Цзяньхэ опустил глаза на Е Чжицю, выражение его темных глаз было неясным. Через мгновение он поднял руку и пригладил его слегка растрепанные ветром черные волосы, открывая гладкий лоб и изящные черты лица. Солнце освещало лицо Е Чжицю, делая его кожу почти прозрачной. И поэтому легкий румянец на его скулах и синяки под глазами стали особенно заметны.

— Плакал?

Цинь Цзяньхэ поднял руку и нежно провел теплыми пальцами по коже под глазами Е Чжицю.

— Нет. — Е Чжицю покачал головой, а затем повторил: — Не плакал.

— Хорошо. — Цинь Цзяньхэ ответил, взяв его за руку и ведя к машине. — Сначала отвезу тебя поесть.

Видя, как Е Чжицю смотрит на свою машину, он тихо рассмеялся.

— Вэй Цзе скоро приедет и заберет твою машину, — сказал он. — Оставит ее у ресторана, и после того, как ты поешь, сможешь сам поехать домой.

Такая забота была очень трогательной и давала ощущение безопасности. Е Чжицю кивнул.

Его руки были холодными, даже мягкие волосы на макушке были охлаждены ветром.

Цинь Цзяньхэ поднял руку и увеличил температуру кондиционера в машине на два градуса. Как только стало теплее, да еще и в безопасной обстановке, последствия бессонной ночи дали о себе знать. Его веки отяжелели.

— Цинь Цзяньхэ. — Превозмогая усталость, Е Чжицю позвал мужчину.

— Мм? — Цинь Цзяньхэ посмотрел на него своими темными глазами. — Хочешь рассказать сейчас или сначала немного отдохнуть, а потом поговорить за едой в ресторане?

Неосознанно Е Чжицю повернул голову и посмотрел на гору. Следуя за его взглядом, Цинь Цзяньхэ тоже посмотрел на нее.

Дорога на гору была вымощена каменными ступенями, но из-за проливного дождя, который шел сутки, она все еще была немного грязной. На ней были видны только две цепочки следов, ведущие туда и обратно, которые выглядели одиноко и пустынно.

— Это связано с твоей мамой? — спросил бизнесмен, его голос стал мягким и спокойным.

Е Чжицю кивнул, а затем сказал:

— Я хочу рассказать сейчас.

Он хотел рассказать сейчас. У подножия горы, где покоилась его мать. Сегодня был такой сильный ветер, что, возможно, Лань Юэ на горе могла услышать его слова. Если в ее смерти действительно были замешаны другие факторы... Тогда он хотел, чтобы она узнала как можно скорее, что ее ребенок не забыл ее. Сколько бы времени ни прошло, какой бы ни была цена, он был готов добиться справедливости для нее. Он хотел, чтобы она знала, что этот ребенок, который редко навещал ее, и даже когда приходил, то забывал принести ритуальные деньги, уже вырос.

— Хорошо. — Цинь Цзяньхэ посмотрел на него, его глаза были очень темными. — Говори спокойно, — сказал он. — Не торопись.

Он давно все обдумал, но когда пришло время говорить, Е Чжицю не знал, с чего начать. Он не мог рассказать Цинь Цзяньхэ о своем прошлом. Потому что оно было слишком невероятным,

он не верил, что кто-то поверит. Но без опоры на это прошлое, его слова казались бы бледными и даже чересчур чувствительными и нервными. И недостаточно убедительными.

Казалось, Цинь Цзяньхэ понял его опасения и отстегнул ремень безопасности. Он наклонился и крепко обнял Е Чжицю.

Солнце светило через окно машины, падая на веки Е Чжицю, и он почувствовал, как его глаза непроизвольно начали гореть. То чувство невероятной обиды, которое он испытал однажды, снова нахлынуло на него. Он уткнулся носом в шею Цинь Цзяньхэ, жадно вдыхая знакомый теплый древесный аромат.

— Говори, — тихий голос Цинь Цзяньхэ раздался у него над ухом, сопровождаемый легким поцелуем. — Я верю тебе.

Е Чжицю сжал губы. На горе он не плакал, но сейчас ему было трудно сдержать слезы. Он ничего не сказал, а лишь попытался широко открыть глаза и посмотреть вверх, чтобы таким образом полностью подавить слезы.

— Моя мама, — сказал он, его голос слегка дрогнул. — Я подозреваю, что в ее смерти могли быть какие-то обстоятельства, о которых я не знаю.

— Дау. — Цинь Цзяньхэ тут же ответил, еще крепче обнимая его за талию.

Эта близость и интимность вызвали у Е Чжицю необъяснимое чувство безопасности. Наконец, мысли оформились в слова, которые полились рекой в салоне машины. Без особых предисловий и последствий он просто высказал свои подозрения.

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе найти того водителя? — Цинь Цзяньхэ терпеливо выслушал его.

— Ты можешь это сделать? — Е Чжицю поднял глаза.

— Да, — ответил Цинь Цзяньхэ, нежно коснувшись покрасневших глаз Е Чжицю. — Могу.

Глаза Е Чжицю были немного покрасневшими, и то, как он сосредоточенно смотрел на него, растопило сердце Цинь Цзяньхэ. Не в силах сдержаться, мужчина наклонился и оставил горячий поцелуй на его влажных, покрасневших веках.

— Я помогу тебе, — сказал он. — Е Чжицю, не плачь.

Вернувшись со съемочной площадки, Е Чжицю проспал до следующего утра. Он спустился вниз позавтракать, а затем вместе с Е Чжэном вынес вниз два чемодана. Загружая багаж в

машину, Е Чжицю снова поднял голову и посмотрел на небольшой дом семьи Е. Он хорошо помнил, как в прошлой жизни, когда его выгнали, он точно так же поднял голову и посмотрел на этот дом.

<http://bllate.org/book/14243/1258134>